

ИНТЕРВЬЮ

Предисловие И. С. Газер*

Исследователи жизни и творчества Бунина давно уже обратили внимание на высказывания писателя, которые содержатся в его газетных интервью, появившихся особенно часто в те годы, когда он выдвинулся в первые ряды русской литературы. Восемь из них (1910—1916 гг.) вошли в Собр. соч. 1965—1967¹; до этого пять (1910—1914 гг.; три из них были включены в т. 9) были опубликованы А. А. Ниновым². В настоящую публикацию включены еще 14 интервью за 1902 и 1910—1916 гг. Таким образом, общее число введенных в научный обиход интервью Бунина, относящихся к дореволюционному периоду его жизни, ныне достигает 24³.

Биографическое и историко-литературное значение этих публицистических выступлений писателя бесспорно: они содержат ряд ценных автобиографических сведений; мы находим в них интересный автокомментарий к произведениям Бунина; немало дают они и для понимания его общественно-эстетических взглядов, характеризуют его отношение к таким писателям, как Некрасов, Толстой, Чехов, Горький, Короленко, а также к некоторым событиям общественной и литературной жизни 1910-х годов.

Темы, которые проходят почти через все интервью, свидетельствуют о цельности и последовательности многих взглядов и убеждений писателя. Одной из таких тем является состояние современной литературы. Неизменное восхищение классическими образцами сочетается у Бунина с резко непримиримым, бескомпромиссно враждебным отношением к модернистской литературе. Эта позиция отразилась во многих его интервью (см. ниже, № 5, 10, 11, 12; «Новый мир», стр. 226—228; т. 9, стр. 538—540, 542).

Бунин отрицает эстетическую теорию декадана, предписывающую поэту «только чисто художественные задачи» (т. 9, стр. 539). Утверждая, что «не должно быть посягательства на свободу творчества» (здесь Бунин, несомненно, полемизирует с марксистским принципом партийности литературы), он в то же время отделяет свое понимание «свободы» от декадентского: «„Чистого“ эстетизма я не понимаю, толки об этом изжиты и надоели» — и далее: «Когда художник ушляется, смакует рисуемые им картины только во имя лозунга „все позволено“ и раскрывает низменную свою натуру, то читатель вправе сказать про эту натуру, что она — низменная. По-моему, этот лозунг, выставляемый преднамеренно на знамени, подозрителен. Последователи лозунга, значит, чувствуют что-то неладное в своей деятельности, что хотят оправдать, освятить этим все покрывающим девизом» (т. 9, стр. 535).

Подходя к оценке декадентства с нравственными и эстетическими критериями, Бунин соотносит с теми же критериями и свое отношение к политической реакции. Осуждая падение литературных нравов, аморальность и цинизм буржуазной литературы, он в то же время не приемлет правительственный террор и политику III и IV Думы, с негодованием говорит о «днях славы» не только Игоря Северянина, но и Пуришкевича, Распутина (см. № 12; «Новый мир», стр. 228). Иными словами, Бунин воспринимает многие явления общественной и литературной жизни как в равной степени антигуманные и уродливые.

Бунин считает все направления модернистского искусства в России «нежизненными и беспочвенными» и потому досадует на печать, уделяющую столь много внимания «ада-

* Интервью № 3, 7, 9, 12 подготовила к печати и прокомментировала И. С. Газер; № 8 — А. К. Бабореко; № 2, 10 — Т. Г. Динесман; № 13 — Т. Г. Морозова; 1 — редакция «Литературного Наследства». Тексты интервью № 4, 5, 6, 11 и 14 сообщил А. К. Бабореко (комментарий И. С. Газер).

мистам, акмеистам, модернистам, символистам» и тем самым рекламирующую их; он подчеркивает симптомы заката модернизма, говорит о падении его влияния, о признаках возрождения реализма, о повороте писательских и читательских интересов и симпатий в сторону реалистической литературы (см. № 10 и 12).

В каждой газетной строке, передающей бунинские мысли о декадансе, ощущается полемический накал. Пристрастность, порой переходящая в раздражение, мешает Бунину в анализе сложных явлений литературной жизни, заставляет отвергать любые имена, так или иначе связанные с модернизмом. Признавая талантливость некоторых его представителей, Бунин отказывает им в естественности и правдивости. При всей запальчивости, а порой и несправедливости отдельных его оценок, надо отдать Бунину должное за его горячую защиту благородных традиций классики — гуманности, демократизма, правдивости искусства, — за его тревогу о судьбах русской литературы.

Бунинские разоблачения декаданса встретили поддержку у многих передовых его современников. Вересаев, например, писал Бунину 9 октября 1912 г.: «Мне недавно попала одесская газета <...> В ней вы приветствуете конец Арцыбашевых и Каменских. С вами радуюсь их концу и я»⁴. Видимо, сочувствие бунинской критике литературного распада и понимание своевременности ее побудили Горького в 1915 г. сочувственно отнестись к намерению Бунина написать статью о современной литературе⁵.

Бунина возмущает фантастический, мистический образ народа, рисуемый модернистами — «изобразителями сусальной Руси», как он их называет (т. 9, стр. 266). Надуманному образу народа в их произведениях писатель противопоставляет мужицкий, крестьянский мир Толстого и Гл. Успенского, которые умели передать «хороший колоритный язык народа средней полосы России». И далее: «Что касается ухищрений и стилизации под народную речь модернистов, — то это я считаю отвратительным варварством» («Новый мир», стр. 225).

Вопрос о принципах изображения жизни народа приобретает для Бунина особую остроту в связи с только что завершенной работой над «Деревней» и полемикой, которая развернулась вокруг повести. Свои беседы с корреспондентами Бунин использует для разъяснения собственной авторской позиции и сложившейся у него концепции русской жизни. Он настойчиво подчеркивает ответственность взятой на себя задачи, указывает на необходимость сурового и трезвого, отрешенного от иллюзий подхода к народной жизни, примером которого служит для него творчество Глеба Успенского, он отвергает, как легкомысленные и беспочвенные, упреки в сгущении красок, мрачности картин, отрицая за критиками право говорить о его «нелюбви» к народу, о его «холодном и сухом сердце» (см. № 9, 12; «Новый мир», стр. 224—225).

Не менее важен и другой аспект бунинских высказываний по поводу принципов изображения народа: указание на то, что для него главное в «Деревне» — «весь уклад, весь быт русской жизни», что его интересуют «не мужики сами по себе», а «душа русского человека в глубоком смысле, изображение черт психики славянина» («Новый мир», стр. 224, 225). И «Деревня», и «Суходол», и другие произведения Бунина 1910-х годов объединяет обращение к «светлым и темным, но почти всегда трагическим основам» русской души (т. 9, стр. 268). Это имеет в виду Бунин, акцентируя тот факт, что «Суходол» исследует дворянство в его органической связи с мужицким, деревенским миром, показывает сродство душ мужика и барина, их общую вековую отсталость, стихийность чувств и поступков, гибельность судеб: «Я стремлюсь дать художественное изображение развития дворянства в связи с мужиком и при малом различии в их психике» («Новый мир», стр. 225). Можно не соглашаться с бунинской трактовкой отношений между крестьянами и дворянами, но нельзя не заметить, что он четко разъясняет в этом интервью замысел своей повести.

Если учесть отрицательное отношение многих критиков к зрелым произведениям Бунина, в первую очередь к «Деревне», и высокую оценку этой повести Горьким, оценку, которая стала для Бунина «живой водой»⁶, если вспомнить, что в 1909—1913 гг. Бунин почти ежегодно бывал на Капри, где особенно сблизился с Горьким, — станет понятным, почему Горький и его творчество, его оценки современной литературы, его жизнь на Капри, а также собственное отношение Бунина к нему стали постоянной

Толстой — «такой громадный, такой требовательный к человеку» (см. № 2), в 1912 г. он касается творческих приемов Толстого (см. № 11). Особенно же значительно его высказывание о Толстом в интервью, данном сотруднику «Одесских новостей» в 1910 г., через месяц после смерти Толстого. Бунин касается в нем обстоятельств, сопровождавших это событие. Уход Толстого он оценивает как проявление «величия души великого старца», как «ослепительный шаг», который должен был вызвать «преклонение всего мира», а его смерть как личное несчастье, как событие, последствия которого отразятся на жизни всей страны (см. № 5). Это интервью — замечательное свидетельство того, что в 1910 г. бунинское восприятие ухода Толстого как подвига, его осуждение «плоских, нелепых и невероятных» попыток официальных и церковных кругов фальсифицировать смысл этого события, инсценировать «раскаяние» Толстого и «возвращение» его к церкви совпадает с отношением передовых демократических кругов общества. Это тем более важно, что позднее в книге «Освобождение Толстого» Бунин будет доказывать, что умирающий Толстой хотел примириться с церковью (т. 9, стр. 28).

Прогрессивность многих общественно-литературных воззрений Бунина дооктябрьских лет становится очевиднее при знакомстве с его газетными выступлениями. Однажды Бунин упомянул о своем тяготении к социал-демократам (т. 9, стр. 541). Содержание одного из публикуемых ниже интервью проливает свет на это высказывание: резко осуждая столыпинскую реакцию, Бунин убежденно говорит об огромном значении пролетарского движения на Западе; он считает, что «рабочие классы (...) превратились в мощную силу», что громадный поток «захлестнет, вероятно, всю Западную Европу»; вмешательством пролетариата Бунин объясняет устранение угрозы войны между Францией и Германией в связи с марокканским конфликтом. Однако возможности русского пролетариата он явно недооценивает, противопоставляя его пролетариату Западной Европы, который уже «представляет собой прекрасно организованную силу» (см. № 7).

Писателя глубоко потрясают события империалистической войны. В его высказываниях этих лет чувствуется душевное смятение и растерянность: «Развернулось ведь нечто ужасное. Это первая страница из Библии (...) Это подавляет!..» (т. 9, стр. 548). Бунин с горечью жаловался на бессилие писателей противостоять страшным событиям: «Говорят все эти Брианы, Милоковы, а мы ровно ничего не значим. Миллионы народа они гонят на убой, а мы можем только возмущаться, не больше» («Материалы», стр. 206). Оценка мировой войны как величайшего народного бедствия определила отношение Бунина к литературе, проникнутой шовинистическим духом: подобного рода литература была глубоко чужда ему (см. № 14).

В газетных выступлениях Бунина, которыми мы располагаем, интересны не только, так сказать, сквозные темы, к которым писатель обращается постоянно, но и более частные вопросы, даже отдельные, как бы попутно высказанные замечания, суждения. Так, мы узнаем о работе Бунина над романом из жизни интеллигенции, о его интересе к драматургии, о намерении написать в 1916 г. драму (см. № 5, 8, 11 и 14); он говорит о своих путешествиях, делится своими замыслами, говорит о своей работе.

Как опубликованные ранее, так и печатаемые ниже беседы с корреспондентами газет представляют собой ценный материал, который дополняет наше представление и об эпохе и о самом Буине, художнике и человеке, проясняет многое в его облике, в литературной и жизненной биографии.

¹ Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 532—548. Далее при ссылках на это издание в тексте статьи указываются только том и страница.

² «Новый мир», 1965, № 10, стр. 223—230. Далее при ссылке на эту публикацию в тексте статьи указывается только название журнала и страница.

³ Кроме того, выше печатается «Ответ И. А. Бунина» на критические высказывания по поводу его выступления на юбилее газеты «Русские ведомости» («Голос Москвы», 1913, № 237, 15 октября — настоящ. кн., стр. 322—323). Сведения о некоторых интервью эмигрантского периода см. настоящ. том, кн. 2, «Сводный обзор бунинских материалов в архивах Советского Союза».

⁴ ЦГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 73, л. 23. Подраумеется интервью № 10.

⁵ «Горьковские чтения 1958 — 1959», стр. 78, 79.

⁶ Там же, стр. 56.

1. «НОВОСТИ ДНЯ», 1902, 27 декабря

Я очень люблю Некрасова и часто перечитываю его с большим удовольствием. Это большой и яркий талант: возьмите хотя бы некрасовский «Мороз, Красный нос» — какое это ослепительное великолепие! Как хороши в нем картины русской природы, как пленительны образы русской женщины. Я положительно удивляюсь, как Толстой, этот великий художник, почти со сладострастьем изображающий картины пластичного мира — вспомните, например, его описание царскосельских скачек, — не оценил поэтического дарования Некрасова. После Пушкина и Лермонтова, Некрасов не пошел за ними, а создал свою собственную поэзию, свои ритмы, свои созвучия, свой тон — между тем, как и Ал. Толстой, и Майков, и Полонский творили под влиянием Пушкина. По моему мнению, Некрасов далеко еще не отжил своего времени; и не скоро еще потеряет интерес, так как это был искренний и настоящий художник.

«Новости дня». М., 1902, № 7023, 27 декабря. Без подписи.

В день, когда исполнилось 25 лет со смерти Н. А. Некрасова, московская газета «Новости дня» поместила под заглавием «Отжил ли Некрасов?» ответы на этот вопрос ряда писателей, художников и критиков. В редакционной вступительной заметке говорилось:

«Для Некрасова и его поэзии наступает история. Нам показалось интересным сделать хоть слабую попытку взглянуть в приговор этой истории, угадать, какое место приготовила она ему, сулит ли бессмертие или забвение.

Был ли Некрасов „рыцарем на час“, говоря его же словами, или истинным поэтом? По крайней мере, как отвечает на это современность, в лице своих виднейших представителей? <...>

Еще недавно, какой-нибудь год назад, великий писатель земли русской повторил о Некрасове лишь более мягкий по форме отрицательный приговор Тургенева. Насколько в этом приговоре отразилось общественное мнение?

Пусть ответят выдающиеся из наших современных писателей и вообще художники. Мы не делали подбора, напротив, старались получить ответы от лиц возможно различных литературных направлений и поколений».

Упомянув об отрицательной оценке Некрасова, которую дал Л. Н. Толстой, автор заметки имел в виду его суждение, высказанное в предисловии к роману В. фон Поленца «Крестьянин» (русский перевод романа с этим предисловием вышел в свет в начале 1902 г.):

«На моей памяти, за 50 лет, совершилось это поразительное понижение вкуса и здравого смысла читающей публики. Проследить можно это понижение по всем отраслям литературы, но укажу только на некоторые, более заметные и мне знакомые примеры. В русской поэзии, например, после Пушкина, Лермонтова (Тютчев обыкновенно забывается) поэтическая слава переходит сначала к весьма сомнительным поэтам Майкову, Полонскому, Фету, потом к совершенно лишенному поэтического дара Некрасову, потом к искусственному и прозаическому стихотворцу Алексею Толстому, потом к однообразному и слабому Надсону, потом к совершенно бездарному Апухтину, а потом уже все мешается, и являются стихотворцы, им же имя легион, которые даже не знают, что такое поэзия и что значит то, что они пишут и зачем они пишут» (Л. Н. Т о л с т о й. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 274—275).

Наиболее скептическими были ответы С. А. Найденова («Некрасов, конечно, не отжил еще свое время, но он отживает — это не первоклассный поэт») и Л. Андреева, который начал с признания, что он вообще не любит стихов, а к гражданским стихам Некрасова относится с «недоверием»; по его мнению, Некрасов в настоящее время «уважаем более, чем когда-нибудь, и менее, чем когда-нибудь, читаем». В. Я. Брюсов назвал Некрасова забытым поэтом, но вместе с тем отметил, что гражданские идеи мешали его творчеству.

Высоко оценило поэзию Некрасова большинство участников опроса: Чехов (см. его ответ в Полн. собр. соч. и писем, т. XII, М., 1949, стр. 349), И. Е. Репин («воспитательное значение поэта-гражданина велико и вечно»), Н. Н. Златовратский, П. Д. Боборыкин, Н. М. Минский и Бунин.

Ответ Бунина воспроизведен в заметке В. Н. Афанасьева «И. Бунина о Некрасове» («Вопросы литературы», 1969, № 5, стр. 249—250).

2. «ОДЕССКИЕ НОВОСТИ», 1902, 28 декабря

... Первый вопрос, конечно, о Горьком, о его «Дне». Что он? Как повлияли на него эти небывалые оваации? ¹ Каково его собственное впечатление от исполнения?

Ответ: «Дно» нравится автору гораздо больше, чем «Мещане», он вообще возлагает на свою новую пьесу большие надежды, так что оваации приняты были им как нечто «в порядке вещей», сам он после постановки пьесы был сумрачен, печален и замкнут, хотя исполнение очаровало его. Ничего художественнее нельзя себе представить. Артисты превосходили самих себя. Особенно хорош был Москвин в роли «странника». Это тонкая, артистическая натура, интеллигентный нервный артист, — прославился он исполнением роли Феодора Иоанновича и Арнольда Крамера; Горький положительно влюблен в него ².

Здесь я схватился за случай разрешить давнишнее свое недоумение. Меня всегда удивляло, что Горький, прошедший такую тяжелую школу практической жизни, явившийся к нам с практической миссией проповедника (<...>), как мог он так аскетически удержаться от вакханалии поэтического, чуждого рассудочности творчества? — вот что интереснее всего в личной психологии Горького.

На этот вопрос Ив. А. Бунин дал следующее интересное объяснение:

Сам Горький бесспорный художник и никакой склонности к логистике у него нет. Чтобы убедиться в этом, стоит только послушать, как он спорит. Спор его — это целый ряд образов, и ни о каких «логических построениях» здесь не может быть и речи. А какова вообще его художественная восприимчивость — может свидетельствовать хотя бы следующий эпизод. Г. Бунин как-то ехал с ним в кибитке на Исары и читал ему в дороге свои стихотворения.

Вдруг смотрит — у Горького на глазах слезы. «Ах, как это хорошо, как это хорошо!» — вдумчиво и тихо говорит он и горячо обнимает даровитого поэта.

Как издатель Горький тоже обнаруживает массу художественного вкуса и увлечения. Так, он издает роскошно иллюстрированную поэму Лонгфелло «Гайавата» в переводе г. Бунина, затем он намерен преподнести русскому обществу издание Байроновых пьес ³, и вообще никто больше его не предан истинно художественным интересам, но в личном творчестве с ним происходит то же, что и с Толстым: он придает своей деятельности проповедническое значение и намеренно гасит в себе чисто художественные стремления, — вот истинный выход из этой трудной психологической загадки.

Разговор коснулся Л. Н. Толстого. Лицо собеседника просияло.

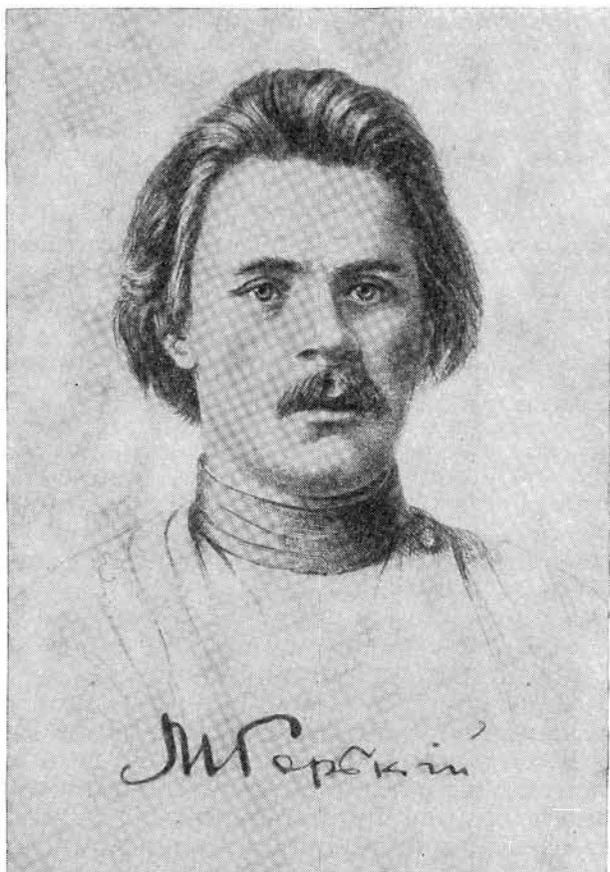
— О! Толстой будет жить еще долго, это вне всяких сомнений. Недавно встретил д-ра Щуровского — и он сказал: в графе еще бездна пороку, и письмо о своей болезни он написал в благодушнейшем состоянии духа ⁴.

— А каково ваше личное мнение о Толстом? — спросил я.

— Я не люблю бывать у Толстого, — ответил И. А.

Я не понял ответа. Мне почудился в нем оттенок неприязни, той самой, которая была так характерна для отношений Тургенева к Толстому, которая изредка проявляется теперь в литературе, например, в книге Шестова «Добро в учении Толстого и Ницше», в книге Мережковского «Толстой и Достоевский» ⁵ и др.

— Нет, я вовсе не в этом смысле говорю. Мне жутко бывать у Толстого, потому что он такой громадный, такой требовательный к человеку. Смотрит на него и будто чего-то требует. И в каждом слове у него заметна эта давящая сторона характера. Как-то в прошлом году прохожу я по

А. М. ГОРЬКИЙ

Рисунок неизвестного художника. Открытка, 1900-е годы
С автографической подписью Горького
Мемориальный кабинет Н. Д. Телешева, Москва

Арбату, смотрю — в темноте Толстой. — Здравствуйте, Иван Алексеевич. Почему вас не видать? — Я растерялся как школьник. Просто не знаю, куда шапку свою девать. — Боюсь я бывать у вас, — признаюсь ему чистосердечно... — Нельзя людей бояться, нельзя, — повторил настойчиво и убежденно Л. Н. и торопливо исчез в потемках, оставив во мне подавленное и робкое ощущение ⁶.

Одесские новости, 1902, № 5843, 28 декабря. Подпись: К. Чуковский. Под заглавием: «Наши гости».

Сообщив, что в Одессу прибыло «художественное трио» — Бунин, С. А. Найденов и А. М. Федоров, Чуковский передает содержание своих бесед с ними. Беседа с Буниным велась в присутствии Найденова, и первый вопрос — о впечатлении, которое произвела на Горького премьера спектакля «На дне», состоявшаяся в Московском Художественном театре 18 декабря 1902 г., — был обращен к ним обоим (из сообщений печати было известно, что Бунин и Найденов присутствовали на премьере, — см. «Русское слово», 1902, № 349, 19 декабря). Автор заметки не уточняет, кто из них ответил на этот вопрос, однако совершенно очевидно, что ответ принадлежит Бунину, поскольку далее, без каких-либо оговорок, продолжается запись беседы с ним, тогда как интервью с двумя другими представителями «трио» помещены в следующем номере газеты (№ 5844, 29 декабря).

¹ Газеты отмечали, что по окончании премьеры, имевшей «огромный и вполне заслуженный успех» («Курьер», 1902, № 355, 24 декабря), «овация приняла прямо небывалые размеры» («Русское слово», 1902, № 349, 19 декабря).

² После премьеры «На дне» Горький писал К. П. Пятницкому, что актеры «совершили что-то удивительное», но «ни публика, ни рецензента — пьесу не раскусили» (Г о р ь к и й, т. 28, стр. 277, 279). «Я теперь соображаю — кто виноват? — писал он. Талант Москвина — Луки или же неуменье автора? — мне И не очень весело» (там же, стр. 279). Сам он очень дорожил этой драмой, тогда как «Мещан», поставленных в Художественном театре весной 1902 г., считал «скучной пьесой» («Лит. наследство», т. 72, стр. 162). Роль Арнольда Крамера — в пьесе Гауптмана «Микаэль Крамер» (постановка 1901 г.).

³ В осуществлении этого замысла Бунин принял самое активное участие — две драматические мистерии Байрона («Каин» и «Манфред») в его переводе были изданы «Знанием» в 1904 и 1907 гг. В 1903 г. «Знание» выпустило бунинский перевод «Песни о Гайавате», иллюстрированный рисунками американского художника Фр. Ремингтона.

⁴ 5—11 декабря 1902 г. Толстой был серьезно болен. В это время он обратился в газету «Русские ведомости» с письмом, в котором просил редакции газет не печатать сведений о его болезнях, поскольку они, по его мнению, «для большинства не имеют значения» (Л. Н. Т о л с т о й. Полн. собр. соч., т. 73, стр. 341). Письмо это было опубликовано в «Русских ведомостях» (1902, № 343, 12 декабря), а затем перепечатано и другими газетами. В. А. Щуровский — врач, лечивший Толстого.

⁵ Л. Ш е с т о в. Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше (философия и проповедь). СПб., 1900; Д. С. М е р е ж к о в с к и й. Лев Толстой и Достоевский, т. I—II. СПб., 1901—1902.

⁶ Позднее, вспоминая об этой встрече, Бунин рассказывал о ней несколько иначе (Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 61—62).

3. «ОДЕССКИЙ ЛИСТОК», 1910, 2 марта

В Одессе в настоящее время, как известно, гостит известный писатель-академик И. А. Бунин. Пользуясь пребыванием писателя в нашем городе, мы побывали у него и побеседовали по некоторым вопросам, в том числе и по вопросу о путешествии Ивана Алексеевича в Индию, которое он, по слухам, предполагал совершить текущей же весной.

— В данную минуту, — сказал нам Иван Алексеевич, — относительно путешествия в Индию ничего определенного сказать не могу, так как сам не знаю, поеду ли туда. Дело в том, что я немного опоздал, а в Индии скоро начинается жаркое время, так что ехать туда теперь, да еще на более или менее продолжительный срок, является делом, не лишенным некоторого риска. И на этом основании мой приятель П. А. Нилус, с которым я собирался совершить поездку, отговаривает меня от путешествия в Индию и предлагает ехать в Испанию. Возможно, что я приму это предложение и отправлюсь в Испанию — кстати, я еще там не был — с женой и с П. А. Нилусом. Поеду туда морем и по пути заверну на Капри, к Горькому, с которым вот уже год как не виделся ¹.

Заговорили о Капри.

— Хорошо там, очень хорошо, — мечтательно произнес Иван Алексеевич... — И народ хороший — такой прямой, гордый, милый. Два часа всего отделяет Капри от Неаполя, а какая разница в людях: неаполитанцы жадны, шумливы, вечно гоняются за туристами — словом, полная противоположность каприйцам... А Горького как они любят, как восторженно приветствуют его, когда он появляется на площади, на улице...

— Скоро ли предполагаете отправиться в путешествие?

— Да, более или менее... Пробуду еще некоторое время в Одессе, где хочу окончить вторую часть своей «Деревни», первая часть которой появится в мартовской книге «Современного мира»... Хотелось бы сделать это поскорее, но... ²

Иван Алексеевич улыбнулся.

— Разве возможно предугадать, как пойдет работа...

— Кстати, Иван Алексеевич, где вы больше всего работаете?

— Преимущественно в деревне, летом. Зиму я обыкновенно провожу частью в Москве, частью в деревне, но наиболее продуктивно работаю именно в деревне, так, приблизительно, с июня по сентябрь... Ранней же весной обыкновенно уезжаю на несколько месяцев за границу и в это время не работаю вовсе.

В заключение мы поинтересовались причинами, влекущими Ивана Алексеевича в Индию.

— Я вообще люблю Восток и восточную религию... Индия же интересуется меня как колыбель человечества и религии.

На этом наша беседа закончилась.

«Одесский листок», 1910, № 49, 2 марта. Подпись: К-ский. Под заглавием: «У И. А. Бунина. (Беседа)».

¹ В Индию, как и в Испанию, Бунин не поехал, а около 20 марта 1910 г. вместе с женой выехал через Вену, Милан и Геную в Ниццу. У Горького на Капри Бунины гостили с 22 апреля/5 мая по 8/21 мая; в 1909 г. они прожили на Капри с 12/25 марта по 28 марта/10 апреля (см. «Материалы», стр. 145—146 и 127—131).

² Работу над второй частью «Деревни» Бунин заканчивал уже после возвращения из путешествия, в Москве. Рукопись была послана в редакцию «Современного мира» 2 сентября 1910 г. и появилась там в № 10 и 11 («Материалы», стр. 149).

4. «УТРО РОССИИ», 1910, 22 мая

Иван Алексеевич загорел, похудел, настроен бодро и оживленно.

— Из Москвы, — рассказывал он, — мы с женой поехали в Одессу, а из Одессы прямо в Ниццу ¹. В Ницце отдохнули. Встретился там с Петром Дмитриевичем Боборыкиным ². Петр Дмитриевич положительно неувыдаем, здоров, бодр, хорошо настроен. Из Ниццы отправились в Марсель, а из Марселя, морем, на северный берег Африки, в Оран.

Из Орана у меня было предположение отправиться в Коломбо, в Индию, и затем в Японию. Уж на пароходе была приготовлена каюта. На море разыгралась буря, и мы на двое суток застряли в Оране. Как раз в это время стали ожидать всяких явлений в природе в связи с кометой Галлея, бури и циклонов на море ³, — пришлось мысль об этой поездке оставить. Пользуясь остановкой в Оране, я объездил и осмотрел несколько ближайших поселений со смешанным арабско-негритянским населением.

Из Орана мы отправились в арабский городок, находящийся в горах Малого Атласа — Блиду, переполненный французскими войсками.

А затем в Алжир и из Алжира к началу Сахары, в оазис Бискру. Это небольшое селенье, тоже со смешанным арабско-негритянским населением. Из Бискры я делал маленькие поездки в пустыню.

— Это вы там, наверное, загорели?

— Нет. Там жара действует на кожу иначе. Кожа покрывается желтизной, и по всему телу появляются нарывчики, которые потом превращаются вот в такие пятна, как сейчас у меня на щеке. Французы называют эти нарывы «бутон де Бискра».

Из Бискры мы отправились на север, в деревню Нумидию, в арабский город Константину, а затем в Тунис.

Осматривал места, где был древний Карфаген. Там теперь производятся раскопки. Находят древние статуи, монеты.

Замечательные места. Одни названия станций как-то невольно волнуют: «Карфаген!» «Саламбо!»

Из Туниса на маленьком старом пароходике поехали в Сицилию, в Меццара.

Затем попали в Мессину. Тяжелое впечатление оставляет Мессина. Еще до сих пор на месте бывших великолепных кварталов горы мусора; еще до сих пор занимаются раскопками этого мусора, находят в нем погибших во время землетрясения ⁴.

Но уже постепенно растет новый город. Застроены целые кварталы новыми деревянными одноэтажными зданиями.

Побывал на Капри у Алексея Максимовича (Горького). Горький много работает. Пишет сейчас новую историческую повесть ⁵. У него множество всевозможных планов литературной и другой работы.

— А уезжать с Капри он не собирается?

— Об отъезде и не думает. Все, что писали об этом, совершеннейший вздор. Ни в Норвегию, ни в какое другое место он и не собирается, — очень полюбил Капри и основался там довольно прочно. И сообщения о желании супруги его открыть театр в Норвегии также вздорны.

Вместе с Алексеем Максимовичем и его супругой мы поехали в Неаполь.

А оттуда, через Афины, Смирну и Константинополь, в Одессу.

В Одессе встретился я с А. И. Куприным. Весел он, жизнерадостен; побрил голову и ходит в татарской тюбетейке. Занимается спортом, рыбной ловлей.

Собирается работать, для чего поселился на даче за Большим Фонтаном. Никуда из Одессы ехать сейчас не собирается.

— Где вы намерены провести лето?

— Сейчас едем в Тульскую губернию, а потом еще не решено куда: в Орловскую губернию или на юг.

— Задумали новое произведение?

— Работы много. Буду кончать вторую часть «Деревни», которая должна быть напечатана в сентябре или в октябре ⁶. Кроме того, хочу написать еще несколько небольших рассказов — тоже все о деревне ⁷.

«Утро России», М., 1910, № 153, 22 мая. Подпись: И. М-ч. Под заглавием: «У И. А. Бунина. (О поездке писателя-академика в Центральную Африку и об его встречах).»

¹ См. примеч. 1 к интервью 3.

² П. Д. Боборыкин (1836—1921) с начала 1890-х годов жил за границей.

³ Комета Галлея, период обращения которой вокруг Солнца равен 76 годам, последний раз наблюдалась в 1909—1911 гг.

⁴ Впервые Бунин посетил Мессину в марте 1909 г., вскоре после землетрясения, которое в 1908 г. почти совершенно разрушило город (см. воспоминания В. Н. Буниной об этой поездке — настоящ. том, кн. 2, а также стихотворение «После Мессинского землетрясения» — т. 1, стр. 316).

⁵ Так неточно могла быть названа в интервью «Жизнь Матвея Кожемякина». Возможно, однако, что Бунин имел в виду исторический роман о Степане Разине, который в это время задумал Горький («Летопись Горького», в. 2, стр. 112, 148).

⁶ См. примеч. 2 к интервью 3.

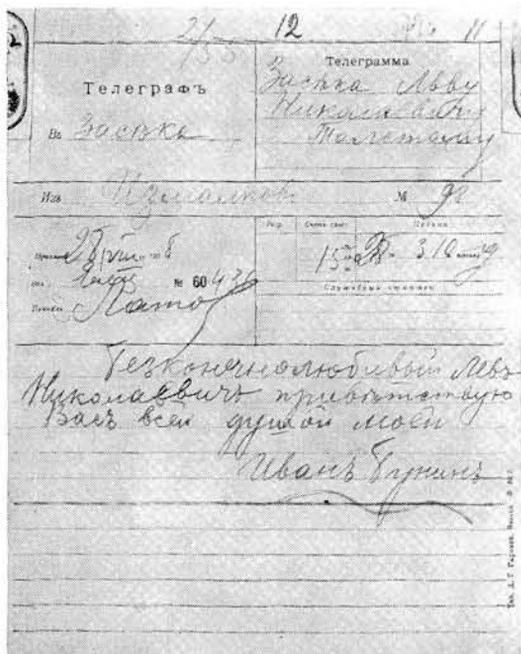
⁷ Рассказы о деревне были написаны позже, в 1911 г. («Древний человек», «Хорошая жизнь», «Сверчок», «Ночной разговор», «Веселый двор» и др.).

5. «ОДЕССКИЕ НОВОСТИ», 1910, 15 декабря

Остановившийся в Одессе проездом на Дальний Восток ¹ почетный академик И. А. Бунин поделился с нами своими мыслями о последних событиях в литературном мире Петербурга. Беседа, естественно, не могла не коснуться вопроса о впечатлении, произведенном предсмертным шагом Л. Н. Толстого, а равно самой смерти великого писателя.

— Впечатление, которое на меня произвел уход Льва Николаевича, — сказал нам Иван Алексеевич, — настолько было необычайно; это было настолько ослепительный шаг: это было проявление такого величия

ПОЗДРАВИТЕЛЬНАЯ
ТЕЛЕГРАММА БУНИНА
Л. Н. ТОЛСТОМУ КО ДНЮ ЕГО
ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЯ
28 августа 1908 г.
Музей Л. Н. Толстого, Москва

души великого старца, что, право, трудно в нескольких словах передать охватившее меня чувство. Просматривая в те дни газеты, я не мог их читать: глаза заволакивались слезами. То были слезы смешанного чувства — горя и радости. Я искренно радовался тому, что славная жизнь величайшего из великих завершилась таким шагом, который должен был вызвать преклонение всего мира. Я радовался тому, что ни преклонный возраст, ни надломленное здоровье не способны были удержать этого гения от шага, который так ослепительно завершил эту великую жизнь. Я плакал при мысли, как велики должны были быть страдания этого человека от мучивших его противоречий, если необходимо было тайком, в глухую ночь, оставить родной кров и пуститься в далекий путь, бог весть куда... Перед моим взором рисовалась эта ночь, когда великий старик, крадучись оставляет свой дом, ветер срывает с него шляпу, он ищет ее в кустах и, находя, бежит в пространство. Его душа жаждала охватить весь мир, но, увы, волей судьбы этот гений должен был, закутавшись, сойти на какую-то глухую станцию, чтобы там закончить славные свои дни...

— Вы, конечно, слышали легенду о железном перстне? ²

— Да, перстень этот, конечно, легендарный, но если бы даже о нем пришлось говорить как о реальном предмете и если бы возник спор о том, к кому после Толстого должен перейти этот перстень, то... право, затрудняюсь вам сказать, кто из нынешних литераторов является достойным претендентом на перстень. И знаете, к какому решению я лично пришел бы? Я сказал бы, что перстень должен полежать некоторое время и не принадлежать пока никому. Толстой был слишком велик, чтобы можно было теперь, сейчас же после ухода этого человека в лучший мир, найти хоть более или менее достойного заместителя.

Мы поинтересовались у нашего собеседника, как он смотрит на попытки известных кругов объяснить уход Льва Николаевича происшедшим в его религиозном мировоззрении переломом и желанием вернуться в лоно официальной церкви ³.

— Скажу вам в двух словах: попытки эти настолько плоски, нелепы и невероятны, что ничего, кроме улыбки, они вызвать не могут. Что касается официальной России, то, конечно, она чувствовала себя неловко, и во всем видна была ее растерянность... Она была ошеломлена тем впечатлением, какое произвели на весь мир последние дни Льва Николаевича.

— А какое впечатление произвело на вас выступление Льва Львовича? ⁴

— Другого слова, кроме «возмутительно», не подберешь. Мне нет никакого дела до чувств, испытанных Львом Львовичем как наследником, мне нет дела до его отношений к Черткову; меня возмущает, что человек, имевший величайшую радость быть сыном гения, имевший счастье быть постоянно при великом человеке, не мог постичь движения души своего отца, не мог понять потрясающей драмы, переживаемой близким человеком. И, конечно, возмутительно, когда родной сын, сваливая все на влияние Черткова и разные житейские мелочи, пытается, сам того, по-видимому, не понимая, ослабить блеск ореола, коим окружена память о великом писателе.

— Чем Академия наук реагировала на смерть Льва Николаевича?

— Из газет вы уже знаете об экстренном заседании Академии, пославшей соболезнующие телеграмму и письмо Софье Андреевне. Кроме того, 19 декабря состоится торжественное заседание Академии, которое будет посвящено памяти Толстого. Читать будут Овсяннико-Куликовский и А. Ф. Кони. Что касается увековечения памяти Льва Николаевича, то об этом речи пока не было. Но несомненно, что Академия кое-что в этом отношении предпримет.

Мы поинтересовались последними новостями и течениями в области литературы.

— Настоящая зима в области литературы оказалась на редкость бесцветной. В прошлом году говорили, по крайней мере, много о порнографии; теперь же даже и о порнографии перестали говорить. Одно лишь с несомненной и чрезвычайной ясностью вырисовывается,— это резкий поворот симпатий как литературных, так и читательских кругов в сторону реализма. Вот вам маленький, но характерный фактец. Незлобин потребовал от Сологуба, чтобы тот вытравил из своего «Мелкого беса» все места, отдающие мистицизмом...⁵ Вообще публике надоела вся эта чертовщина, укрепившаяся было в нашей литературе. Лично я, конечно, приветствую этот поворот как симптом оздоровления читательского настроения.

— Что касается меня, то ныне я работаю над романом, размером «Деревни», посвященным жизни интеллигентных кругов обеих столиц. Когда я закончу это произведение и где его напечатаю, еще сам не знаю.⁶

В заключение Иван Алексеевич поделился с нами сведениями о намеченном путешествии.

— Известную роль в новом моем путешествии играет Академия наук, и настоящая поездка совершается за ее счет (бесплатный проезд на пароходах Добровольного флота). Маршрут мой приблизительно таков: отсюда еду в Порт-Саид, оттуда в Египет, где пробуду больше месяца. К тому времени прибудет следующий пароход Добровольного флота, на котором поеду в Луксор, Асуан. Быть может, заеду также в Нубию. Оттуда вернусь в Порт-Саид и направлюсь на остров Цейлон, где пробуду месяц. Затем в маршрут входят Индия, Сингапур и как конечный пункт Нагасаки. Из Японии вернусь обратно в Россию. В пути я буду делать заметки, и путевые впечатления, вероятно, послужат материалом для особого труда ⁷.

«Одесские новости», 1910, № 8294, 15 декабря. Подпись: А. Ар. <Аренберг>. Под заглавием: «У И. А. Бунина». Частично вошло в «Материалы», стр. 152—153.

¹ См. примеч. 7.

² В литературных кругах шли толки о «железном кольце» Пушкина, которое якобы перешло к Тургеневу, а от него — к Толстому. Смерть Толстого породила споры о том, кому должен принадлежать пушкинский перстень, иными словами — кого можно считать достойным его преемником. В 1915 г. слухи о «железном кольце» опроверг Н. О. Лернер, разъяснив, что это литературная легенда, связанная с историей «талисмана» — перстня, который подарила Пушкину Е. К. Воронцова; после смерти поэта перстень хранился у Жуковского, сын которого впоследствии передал его Тургеневу («Биржевые ведомости», 1915, № 14640, 29 января). По свидетельству современников, Тургенев хотел, чтобы после его смерти перстень был передан Толстому, который в свою очередь должен передать его «достоинейшему последователю пушкинских традиций между новейшими писателями». Однако в 1887 г. П. Влардо подарила перстень Пушкинскому музею при Александровском лицее, откуда он исчез в 1917 г. В предреволюционные годы многие считали Бунина писателем, достойным носить пушкинское кольцо. Подробно об этом см.: Л. А ф о н и н. Пушкинский талисман. — «Литературная Россия», 1968, № 44, стр. 18—19; А. И. К у п р и н. Собр. соч., т. 9. М., 1964, стр. 504—507, 573.

³ Официальные круги России пытались объяснить уход Толстого как проявление христианского смирения. «Растерянность» этих кругов, о которой говорит Бунин, усилилась в связи с волной революционных протестов. В последние дни жизни Толстого «Новое время» договорилось до необходимости «почетительного», «оборонительного» ареста писателя (см. Б. С. М е й л а х. Уход и смерть Льва Толстого. М. — Л., 1960, стр. 27—39). Святейший синод наметил и разработал инспекцию «раскаяния» Толстого, его «обращения», возвращения к церкви. Эту фальсификацию пытались сделать достоверной путем подготовки и публикации в печати ряда материалов синода и заявлений церковных деятелей (там же, стр. 296—302).

⁴ Л. Л. Толстой (1869—1945) — сын Л. Н. Толстого. При жизни отца резко полемизировал с ним, обвиняя его в пагубном влиянии на всю русскую жизнь, отстаивал необходимость смертной казни. Выступил с открытым письмом («Кто виновник?»), обвиняя в смерти Толстого В. Г. Черткова, который якобы имел на него роковое влияние. Другие дети писателя выступили с протестом по поводу этого письма, увидев в нем умаление личности и оскорбление памяти отца. Резко отрицательное отношение передовой общественности к письму Л. Л. Толстого выразилось в статьях под характерными названиями: «Позор», «Неприличное выступление», «Графский жест» и др.

⁵ Это сообщение связано с постановкой в Московском театре К. Н. Незлобина «Мелкого беса» Ф. Сологуба в инсценировке автора (1910 г.).

⁶ Быть может, имеется в виду продолжение «Деревни», о замысле которого вспоминала В. Н. Бунина: «Тихон Ильич умирает, брат становится относительно богатым и переезжает в Москву. Попадает в среду самоучек, а затем в художественный кружок... Вот бы и получился „Город“...» (И. А. Б у н и н. Повести. Рассказы. Воспоминания. М., 1961, стр. 609; см. также интервью 8 и 10).

⁷ Путешествие длилось 4 месяца, с 15 декабря 1910 г. до середины апреля 1911 г. Маршрут его определился так: Одесса, Константинополь, Бейрут, Порт-Саид, Каир, Гелуан, Фивы. Из Порт-Саида на французском пароходе (не дождавшись парохода Добровольного флота) Бунины отправились по Суэцкому каналу на Цейлон, где пробыли две недели. В Японию не поехали «из-за отсутствия средств» (см. «Материалы», 152—159). Впечатления от этого путешествия отразились в рассказе «Воды многие», который В. Н. Бунина называла «дневником» путешествия, в «Братях», «Городе Царя Царей» и др. (см. также «В стране пращуров» — настоящ. кн., стр. 76—78).

Газета допустила здесь грубую ошибку, сообщив, что Бунин намерен подняться вверх по Нилу в Луксор, Асуан и Нубию на океанском пароходе Добровольного флота. Очевидно, именно поэтому на другой день «Одесские новости» напечатали еще одно интервью с Буниным, в котором сообщался правильный маршрут намеченного путешествия и излагались высказывания Бунина о Горьком (см. № 6).

6. «ОДЕССКИЕ НОВОСТИ», 1910, 16 декабря

Вчера на пароходе Добровольного флота «Владимир» выехал из Одессы в Порт-Саид почетный академик И. А. Бунин. Из Порт-Саида И. А. по железной дороге направится в Каир, а оттуда по Нилу возможно южнее. Предполагается посещение Луксора, Асуана и других пунктов. По возвращении обратно в Порт-Саид, Иван Алексеевич снова сядет на пароход Добровольного флота и поедет на остров Цейлон, Сингапур, Нагасаки и т. д. ¹

И вчера перед отъездом И. А. много беседовал с нами о современной русской литературе. Между прочим, мы завели речь о Горьком, о толках относительно упадка его таланта, о попытках объяснить это оторванностью Горького от родной земли и т. п. ² Иван Алексеевич резко расходится во взглядах с многими критиками насчет последних произведений Горького.

— Все толки, — заметил Иван Алексеевич, — об упадке якобы таланта Горького следует, по-моему, считать вздорными, не имеющими под собой никаких оснований. Лично я продолжаю считать, что очень крупный художественный талант Горького остается на прежней высоте. Всю свою жизнь Алексей Максимыч провел в России и успел впитать в себя обилие впечатлений и знания родной страны. Кроме того, я вообще считаю неудачной попытку связать упадок или развитие таланта с оторванностью или прикрепленностью в родной земле. М. Горький в свое время был писателем России, но талант его эволюционирует, и, по-моему, Горький идет к тому, чтобы перестать быть писателем исключительно русским и занять положение писателя общечеловеческого. Согласитесь, что для такого писателя совершенно неважно, живет ли он в России, Италии или какой-либо другой стране. Возьмем, например, одно из последних произведений Горького — «Чудаки». Правда, на сцене оно не имело успеха, но нужно знать артистов, игравших «Чудаков», критиков, дававших рецензии, и... публику, смотревшую пьесу, чтобы понять, что мнение о «Чудаках» совершенно неосновательно ³. Прочтите это произведение, и вы увидите, что все в нем закончено и художественно стройно отделано. Неосновательна также и оценка «Городка Окурова» ⁴. Это крупное произведение много потеряло от того, что печаталось небольшими частями. Самым же крупным произведением М. Горького последних лет я считаю «Исповедь» ⁵. Такие произведения пишутся не людьми, талант которых идет на убыль, а писателями, находящимися в полном расцвете художественных сил. Алексей Максимович, по-моему, один из очень немногих в нынешней русской беллетристике, делающих настоящее и большое дело.

«Одесские новости», 1910, № 8295, 16 декабря. Без подписи. Под заглавием: «Отъезд И. А. Бунина».

¹ См. примеч. 7 к интервью 5.

² Поход буржуазной критики против Горького начался еще в 1907 г. статьей Д. В. Философова «Конец Горького» («Русская мысль», 1907, № 4). К этому выступлению примкнули Антон Крайний (З. Гиппиус) в статье «Братская могила» («Весы», 1907, № 7, стр. 58—59), Эллис (Л. Л. Кобылинский) в статье «Наши эпигоны» («Весы», 1908, № 2, стр. 65) и др.

³ Впервые «Чудаки» были поставлены 24 сентября 1910 г. в Новом драматическом театре (Петербург).

⁴ Отзывы современной критики о «Городке Окурове» см. С. В. К а с т о р с к и й. Повесть М. Горького «Городок Окуров» («Ученые записки Ленинградского гос. пед. института им. А. И. Герцена», т. 43, Каф. рус. литературы. Л., 1947, стр. 202—207).

⁵ Подтверждение тому, что «Исповедь» произвела на Бунина сильное впечатление, можно найти в его письме Горькому 22 сентября 1909 г.: «И теперь старичок ваш особенно задевает меня. Ах, эта самая Русь и ее история! Как это не поговорили мы с вами вплотную обо всем этом!» («Горьковские чтения 1958—1959», стр. 44). Думается, что комментаторы «Переписки Горького и Бунина» ошибаются, предполагая, что «старичком» здесь назван Матвей Кожемякин (там же, стр. 108), так как к работе над «Жизнью Матвея Кожемякина» Горький приступил только в конце 1909 г. и закончил ее в ноябре 1911 г. Первая часть повести была опубликована лишь через год после цитируемого письма — в 1910 г. («Сборник т-ва „Знание“», кн. 30 и 31), три последующие части — в 1911 г. («Сборник т-ва „Знание“», кн. 35—37), тогда как «Исповедь» была напечатана значительно раньше («Сборник т-ва „Знание“ за 1908 год» — кн. 23). Естественно, что разговор мог возникнуть об этой уже напечатанной вещи, а не о повести, работа над которой еще не была начата. Наше предположение подтверждается тем, что не Матвею Кожемякину, а старику Ионе принадлежат «задевшие» Бунина слова: «Что ты знаешь о народе? Ты, слепой дурак, историю знаешь? <...> Знаешь ты, что такое Русь?» (Г о р ь к и й, т. 8, стр. 333).

7. «ОДЕССКИЕ НОВОСТИ», 1941, 8 сентября

В Одессе свыше трех недель гостит популярный писатель, академик И. А. Бунин, сообщивший нашему сотруднику некоторые литературные новости.

— Все лето я провел в Орловской губ., — сообщил Иван Алексеевич, — и работал над некоторыми повестями и рассказами, которые скоро, вероятно, появятся в печати. Ныне, вернувшись с дачи в город, решил пожить еще здесь несколько дней. Одна небольшая повесть уже совершенно закончена и появится в сборнике «Знания»¹. Другая повесть под названием «Суходол» займет, вероятно, листов 6—7 и значительно больше первой. Обе посвящены жизни деревни.

— А что обещает будущий литературный сезон?

— Пока ничего определенного. Единственное, что можно сказать, — это о предстоящем оживлении издательства «Знание». Предполагаются некоторые реформы, привлечение новых сил и т. п.² По имеющимся у меня сведениям, Горький этим летом много работал, и труды его скоро, вероятно, появятся в свет.

— Когда появятся ваши впечатления о последних путешествиях?

— Ныне я занят приведением в порядок путевых заметок. Предполагаю предварительно обработать и систематизировать впечатления о путешествии по Верхнему Египту и Цейлону. В ближайшем будущем предполагаю приступить к выпуску нового, более систематизированного собрания своих сочинений. Если работа эта меня не задержит долго, то возможно, что в декабре предприму новое путешествие. На сей раз предполагаю поехать в Японию и на о. Таити³.

По поводу смерти П. А. Столыгина⁴ И. А. Бунин заметил:

— Это событие, конечно, большое, громадное, но, на мой взгляд, оно едва ли будет чревато последствиями в области внутренней политики. Все, по крайней мере в ближайшем будущем, останется, надо полагать, по-прежнему. Изменения курса можно ожидать лишь спустя некоторое время.

— В какую сторону?

— Надо полагать, что в сторону человечности. Иное направление носило бы характер простой мести. Создавшиеся опасения — простой результат запуганности общества. Последние годы навяли на общество ужасный пессимизм, и все теперь рисуется ему в мрачных красках. Между тем логика говорит за то, что продолжение прежнего немислимо и что неминуемо наступление просвета...

— А как вы смотрите на последние выступления рабочих масс в Западной Европе и все чаще раздающиеся вопли о дороговизне жизни?⁵

— Моя точка зрения такова, что рабочие классы и примыкающие к ним малоимущие слои населения превратились в мощную силу, которая начинает все больше и больше заявлять о своих правах на жизнь; эти классы требуют места в жизни и являются ручейками того громадного потока, который вскоре — через 5—10 лет — захлестнет, вероятно, всю Западную Европу. Все последние события говорят о надвигающемся изменении нынешних социально-экономических устоев жизни. Эта сила сказывается не только в протестах против дороговизны жизни; она ярко сказалась в стачечном движении в Англии и особенно интенсивно проявляется на конфликте между Францией и Германией. Можно с уверенностью сказать, что лишь 20—25 лет тому назад, при аналогичном столкновении интересов, уж давно гремели бы пушки и проливалась человеческая кровь⁶. И если до сих пор еще не случилось катастрофы, то только благодаря вмешательству пролетариата, протестующего против всяких политических авантур. И, как

видите, правящим классам приходится теперь считаться с пролетариатом.

— Почему же вы, собственно, отделяете рабочие классы Запада от российского пролетариата?

— Интересы-то у них, конечно, одинаковые, но вся разница в том, что западноевропейский пролетариат представляет собой прекрасно организованную силу. Вся мощь его в этой организованности и подготовленности к борьбе. О русском пролетариате этого сказать нельзя⁷. Дороговизна жизни на Западе — явление не вчерашнего дня, и если пролетариат начал теперь особенно часто заявлять о своих правах, то, вероятно, только потому, что организованность создала ему твердую почву для борьбы.

«Одесские новости», 1911, № 8515, 8 сентября. Подпись: А. Ар. <Аренберг>. Под заглавием: «У И. А. Бунина».

¹ Летом 1911 г. Бунин работал над «Суходолом», написал рассказы «Древний человек», «Снежный бык» и др., начал повесть «Веселый двор». Что из этих рассказов он предполагал отдать «Знанию», сказать трудно. 16 октября 1911 г. В. С. Миролубов упрекал его за то, что он не выполнил своего обещания: «Недавно Горький прочел в одесской газете, что повесть Бунина обещана „Знанию“ и написал мне радостное письмо... Что я ему напишу теперь?..» (ЦГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 156). Позднее Бунин дал «Знанию» рассказ «Захар Воробьев», законченный в феврале 1912 г. («Сборник т-ва „Знание“ за 1912 год», кн. 38, СПб., 1912).

² В 1908 г. Горький задумал реорганизацию сборников «Знание»: предполагалось изменить их характер, включать в них статьи литературно-критического, публицистического и философского содержания, обновить состав постоянных авторов, привлечь видных итальянских писателей и публицистов. В 1911 г. редактировать сборники был приглашен В. С. Миролубов. Однако кризис, переживаемый «Знанием», преодолеть не удалось. 18 ноября/1 декабря 1911 г. Бунин писал брату Юлию: «Денег в „Знании“ нет, отношения Пятницкого и Горького — из рук вон. Надежд на „Знание“ никаких» (ЦГАЛИ, ф. 1292, оп. 1 ед. хр. 20, л. 24).

³ В Японии и на Таити Бунин не побывал.

⁴ П. А. Столыпин (1862—1911) был смертельно ранен в Киеве 1 сентября 1911 г. эсером Богровым, являвшимся одновременно агентом царской охранки. Убийство Столыпина совпало с полным крахом его контрреволюционной программы, очевидным и для правящих кругов. Предположение Бунина о возможности изменения правительственного курса «в сторону человечности» было иллюзорным, но его надежда на наступление «просвета» в общественной жизни не была беспочвенной: в 1910—1911 гг. явно обозначился переход к новому подъему революционного движения. В статье «Столыпин и революция», написанной в октябре 1911 г., В. И. Ленин указывал, что «Столыпин сошел со сцены как раз тогда, когда обозначились «симптомы нарастания новой революции» (Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 333).

⁵ Начало 1910-х годов ознаменовалось мощным стачечным движением пролетариата и нарастанием политического кризиса в крупнейших капиталистических странах — Франции, Англии, Германии, Италии, Испании, США. Бунин мог иметь в виду забастовки английских докеров и железнодорожных рабочих, добившихся определенных уступок со стороны капиталистов и правительства (1911 г.).

⁶ Так называемый «второй марокканский», или «агадирский», кризис, возникший в результате столкновения империалистических интересов Франции и Германии в Марокко (1911 г.), завершился признанием французского протектората над Марокко. Бунин был прав, считая одной из причин, помешавших разразиться войне, антимилитаристские выступления рабочего класса Франции и Германии: французская социалистическая партия во главе с Жоресом развернула борьбу против колониальной экспансии в Марокко, а в Германии энергичное сопротивление агрессивной империалистической политике оказывали левые социал-демократы под руководством К. Либкнехта.

⁷ Очевидна ошибочность этой бунинской оценки возможностей русского пролетариата и степени его организованности, высказанной в то время, когда рабочий класс России уже сложился как подлинно передовой класс, богатый революционными традициями. «Особенность России,— писал в 1913 г. В. И. Ленин,— невиданная еще в эпоху буржуазных революций сила пролетариата и страшная общая отсталость страны, объективно вызывающая необходимость в исключительно быстром и решительном движении вперед...» (Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 138).

БУНИН

Фотография. Одесса, 1913

На обороте — автограф Бунина: «3 июля 1913 г. Дача Ковалевского»
 Центральный архив литературы и искусства, Москва

8. МОСКОВСКАЯ ГАЗЕТА, 1912, 28 мая

И. А. Бунин уехал в имение своей сестры, где думает оставаться все лето. Лишь в середине каникул он предполагает на время побывать за границей в полюбившейся ему Италии.

Писатель, по его словам, чувствует прилив творческих сил.

Им задумано много новых беллетристических вещей и стихотворений.

В ряде художественных замыслов повесть «Зима» будет посвящена изображению современной русской интеллигенции¹. Иван Алексеевич хочет также попробовать свои силы в новой, драматической форме и надеется к осени написать пьесу, где будут затронуты и город, и деревня².

«Московская газета», 1912, № 192, 28 мая. Под заглавием: «На отдыхе. Писатели и художники». Без подписи.

¹ О том, что «Бунин приступает к работе над романом из жизни интеллигенции» впервые сообщила в 1910 г. газета «Одесские новости» (см. интервью 5). В сентябре 1912 г., в интервью с корреспондентом «Одесских новостей» Бунин подтвердил эти сведения (см. № 10). По поводу этих неосуществившихся замыслов В. Н. Бунина писала: «Относительно „неоконченного“ романа не знаю. Он не давал мне переписывать, но говорил, что в Москве остался неоконченный роман листов в шесть или повесть» (письмо А. К. Бабореко, 18 апреля 1959 г.).

² К замыслу драматического произведения Бунин возвращался и позже (см. интервью 14).

9. «МОСКОВСКАЯ ГАЗЕТА», 1912, 23 июля

Недавно проездом остановился на день в Москве академик И. А. Бунин. Он заезжал по делам издания своей книги, выпускаемой московским товариществом писателей¹. Писатель в беседе с нами высказал свою точку зрения на народ, который является осью всей его литературной деятельности².

— У нас,— говорит Иван Алексеевич,— несмотря на целые общественные и литературные полосы, касавшиеся самых недр народной жизни, в сущности, русская интеллигенция поразительно мало знает свой народ.

В этом отношении и равнять нельзя, например, иностранного интеллигента — француза, немца, итальянца и др., — которые говорят с народом одинаковым языком. Между тем, язык русского интеллигента и русского мужика — совершенно различны. Ведь нельзя же принимать за знание народного языка, которым щеголяет наша интеллигенция, такие пошлости, как «эфто», «так что ваше благородие» и т. п., которые мы слышим со сцены, либо читаем в произведениях о мужике.

Ни в какой стране нет такого разительного противоречия между культурной и некультурной массой, как у нас.

Да иначе у нас и быть не могло. Ибо в России никогда не существовало подлинного серьезного изучения народа.

Возьмите «Антон Горемыку», про которого еще тогда было сказано, что это не русский народ.

Равным образом и у Тургенева не было полного изображения народной действительности. Он жил преимущественно за границей, преследовал специальную цель показать, что и у раба живая душа.

Литературная деятельность Златовратского носила явно прикрашенный характер, давала идеализацию мужика.

Кем действительно было много сделано в смысле изучения народа, это Гл. Успенским. Г. Успенский — огромный талант, огромный художник и крупный человек. Но он, как сам говорил, собирал лишь материал для постройки здания о народе, но планомерного художественного целого произведения не создал.

Тот же Гл. Успенский по поводу упреков в том, что литература заполнена мужиком, горячо уверял, что на самом деле это далеко не так. О мужике пишут чрезвычайно мало³.

Толстой писал о народе с известной точки зрения, именно с религиозной, как о трудовом народе, которым держится весь мир.

Теоретическое же изучение народного языка, песен, обрядов началось лишь в 50-х годах славянофилами и с ними же окончилось.

Именно с этой точки зрения, в смысле серьезного отношения к данному предмету, следовало бы отнестись к моей писательской деятельности.

Поэтому нельзя говорить, как это делается теперь, что я не люблю народа, что у меня холодное и сухое сердце, нельзя копаться в моей душе.

«Московская газета», 1912, № 200, 23 июля. Без подписи. Под заглавием: «У И. А. Бунина». Частично опубликовано в статье И. С. Газер «Бунин и Глеб Успенский». — «Вопросы русской литературы», в. I. Львов, 1966, стр. 33—34.

¹ Это, очевидно, «„Суходол“. Повести и рассказы 1911—1912 гг.» («Книгоизд-во писателей в Москве», 1912).

² Содержание настоящего интервью перекликается с другими газетными выступлениями писателя (см. интервью 12; «Новый мир», стр. 225—226; т. 9, 536) и с его высказываниями в письмах, автобиографических заметках и др., где Бунин также дает пояснения относительно своего подхода к проблемам народной жизни.

³ Ср. письмо Бунина Н. С. Клеостову 18 мая 1913 г., в котором он писал о предполагаемом сборнике своих рассказов, где «мужик опять будет на первом месте»: «Я с великим удовольствием поставил бы эпиграфом к этой книге один из последних заветов Гл. Успенского: „Смотрите на мужика... Все-таки надо ... Надо смотреть на мужика!“» (Сб. «На родной земле». Орел, 1958, стр. 308).

10. «ОДЕССКИЕ НОВОСТИ», 1912, 6 сентября

Гостящий теперь в Одессе академик И. А. Бунин сообщает небезынтересные новости. В Москве недавно организовался писательский кооператив под названием «Книгоиздательство писателей», предполагающий выпуск ряда книг отдельных писателей, а также сборников. В издательство это вошли Бунин, Телешов, Шмелев, Карзинкин, Зайцев, Юшкевич и др. Редактором издательства назначен Вересаев. Ставя себе задачей работу вне всяких партийных уз, издательство отмежевывается лишь от модернизма, предполагая придерживаться исключительно реалистического направления. На днях выйдет в свет большая книга издательства (20 листов) «Суходол», в которую войдут произведения Бунина — повести и рассказы за 1911 и 1912 гг. Сюда вошли, например, «Суходол», «Захар Воробьев», «Сто восемь», «Сила», «Хорошая жизнь», «Ночной разговор», «Сверчок», «Веселый двор» и «Игнат». Следующая книга выйдет также в сентябре, причем в нее войдут в свое время уже появлявшиеся сказки Горького. Далее намечены к выпуску в свет рассказы Шмелева, роман Зайцева «Далекий край», повести и рассказы Телешова и другие¹.

Последнее лето И. А. Бунин провел в нескольких местах, отдавая много времени литературному труду. За это время писатель написал много стихов, которые скоро начнут появляться в разных изданиях. Писатель работал также много над романом из жизни русской интеллигенции². После летнего пребывания на лоне природы И. А. Бунин чувствует себя довольно бодро.

— Неприятно только, — говорит он, — что в октябре собираются меня чествовать по случаю 25-летия моей литературной деятельности. Предполагается заседание Общества любителей российской словесности, депутация от Академии и т. п. Неприятно потому, что боюсь быть записанным в старики. Помилуйте, мне только за 40 лет, и вдруг рискуешь попасть в старики...

— Какие вести получают от Горького?

— Получил от него большое письмо. Настроение у него, по-видимому, бодрое, хотя минувшим летом он был серьезно болен. Снова появилось кровохарканье, сопровождавшееся бронхитом. Теперь здоровье его, кажется, поправилось. Он, по крайней мере, о нем ничего не пишет. Да и о кровохаркании и бронхите я узнал не от него, а от жены его, которая писала мне об этом.

В заключение писатель сообщил, что процесс охлаждения писательских кругов к модернизму продолжает идти тем же темпом. Модернизм даже в период своего расцвета только шумел, не имея глубоких корней в читательской среде. «Весы», например, сами сообщали, что к пятилетнему сроку их существования они насчитывали не больше 300—400 подписчиков. Теперь же модернизм не только не в фаворе, но даже шуметь перестал.

Интересуясь политической жизнью страны, И. А. Бунин полагает, что хотя теперь все в стране делается для того, чтобы стало хуже, но возможно, что старания эти не дадут тех результатов, которых добивается правительство. И возможно, что выборы дадут совершенно неожиданные результаты. Ибо всевозможные эксперименты можно проделать с окраинами или такими городами, как Одесса, но не со всей Россией...³

«Одесские новости», 1912, № 8816, 6 сентября. Подпись: «А». Под заглавием: «У И. А. Бунина».

¹ Об организации «Книгоиздательства писателей в Москве» и участии в нем Бунина см. настоящ. кн., стр. 610 и 640—642.

² О работе Бунина над романом из жизни русской интеллигенции сообщалось в печати и ранее (см. интервью 5 и 8). 19 мая 1913 г. Бунин писал Н. С. Клецову: «О романе позвольте пока помолчать. Я подробно напишу вам о нем, когда засяду за него вплотную» (ГБЛ, 9.27, л. 8 об.). Других упоминаний о романе в переписке Бунина нет.

³ Осенью 1912 г. в России проходили выборы в IV Государственную Думу. Они сопровождались рядом правительственных мероприятий, направленных на создание в Думе черносотенного большинства. Стремясь ограничить число рабочих депутатов, правительство шло на всевозможные махинации. Характеризуя политическую ситуацию, сложившуюся в это время в стране, В. И. Ленин писал, что в ходе выборов проявились «неспособность контрреволюции к дальнейшему наступлению прежней силы или энергии» и «пробуждение демократии» («Итоги выборов». — Полн. собр. соч., т. 22, стр. 319).

11. «РАМПА И ЖИЗНЬ», 1912, № 44

Мы сидим в небольшом номере Лоскутной гостиницы ¹. В окна смотрят золотые главы кремлевских церквей и хмурое осеннее небо... Мы говорим о театре...

— Ведь театр не отразился в вашем творчестве... Отчего? Вы не любите театр?

— Проще сказать, я отвык от театра, — отвечает Иван Алексеевич. — И это правда, что в своем писательстве я прошел мимо него. Ведь я редко заезжаю в Москву, редко хожу в театр. Бывали, конечно, минуты больших сценических впечатлений. Многие волновало, многие оставляло известное впечатление. Но беда в том, что я — как бы вам сказать? — беда в том, что я знаю «закулисы» театра. Я вижу и замечаю всякую фальшь, всякую неестественность, всю эту театральную условность, которая часто коробит меня. Вот как в опере: хорошо слушать большого артиста... с закрытыми глазами.

— Но отчего это предубеждение?.. Вы, как чеховский Треплев, против пьес, в которых говорится, как «люди носят свои пиджаки»? ²

— Нет, не потому. Я думаю, что и с «пиджаками» можно написать глубокую вещь, если, конечно, не останавливаться на мелочах и частности, а брать лишь важное и основное в человеческой психике и жизни. И потом еще: я не люблю и не понимаю таких слов, как «новые формы», «соборное действие», «хоровод» и прочее... ³ И эта погоня за «стилизацией» меня часто возмущает, и не только в театре (я видел, например, стилизованный античный театр Рейнгардта, и это зрелище казалось мне грубым), но и вообще в искусстве. Стилизация в ее благородном смысле, конечно, законна, да и естественна во всяком подлинном произведении искусства. Не стилизована ли разве «Саламбо» Флобера?.. А вся эта подделка под античность ⁴ — она свидетельствует лишь о дряблости чувств моих современников; она говорит о том, что мы перестали чувствовать настоящую любовь и настоящую страсть; разучились ценить радость жизни, правда, короткой, но полной впечатлениями. Но, разумеется, для этого надо не сидеть на одном месте, а путешествовать, видеть новые страны, жить на море.

— А скажите, Иван Алексеевич, вы когда-нибудь думали о пьесе для театра?

— Да... Часто мне хотелось написать что-нибудь для сцены. Влекла меня и самая форма. Ведь в драме, в ее стремительном, сильном, сжатом диалоге так многое можно сказать в немногих словах. Тут приходится как бы концентрировать мысль, сжимать ее в точные формы. А это ведь так увлекательно. Вот и сонет поэтому излюбленная моя форма. А как хорошо было бы написать трагедию...

— Вы любите этот род?

— Очень. Тут такой простор для широчайших обобщений, тут так много влекущего. Ведь тут можно дать картину мощных страстей; люди, история, философия, религия — все может быть взято в такой яркой

форме.... Сколько заманчивого, например, в мысли о трагедии из жизни Будды. Только вот одно останавливает: условности сцены, с которыми надо постоянно считаться...

Наша беседа о театре обрывается. Мы говорим о литературе, о писателях. С упоением цитирует Иван Алексеевич Толстого.

— Вы вспомните, как у него все просто, сильно и глубоко. А ведь он не боялся мелочей, которые могли бы показаться оскорбительными. Наташа вбегает в избу к раненому князю Андрею... Слышен чей-то храп... И вот чудится это гениальное «питы-питы», и все разрастается в целую симфонию человеческой любви и страдания. А ведь этот «храп» за стеной нисколько не помешал... Да, надо быть широким и смелым в творчестве.

— Вы долго еще пробудете в Москве?

— Нет. Я не могу сидеть на одном месте. Жаль, что здоровье не позволяет, а то было совсем налажено кругосветное путешествие. Придется только в Испанию и в Италию поехать...⁵ А жаль. Уж очень хороший пароход выходит в ноябре...

И в этих словах чувствуется такая глубокая, страстная любовь Бунина к путешествиям, к морю. И уже кажется понятным, почему этот человек, с восторгом говорящий о 50 днях, проведенных в открытом океане⁶, почему он холоден и равнодушен к нашей городской суете, к нашим театрам.

Журн. «Рампа и жизнь». М., 1912, № 44, стр. 5. Подпись: Ю. С. «Соболев». Под заглавием: «У И. А. Бунина». На обложке этого номера воспроизведен портрет Бунина с подписью: «К 25-летию литературной деятельности». Здесь же помещены статья Юрия Соболева «Любовь, смерть и вечность в творчестве Бунина», шарж И. Малютина и другие материалы, связанные с юбилеем писателя.

¹ Лоскутная гостиница в Москве находилась на углу Тверской ул. (ныне ул. Горького) и Моховой (ныне проспект Маркса); дом этот не сохранился.

² Обличая рутину современного театра, Треплев говорит: «Когда поднимается занавес и <...> эти великие таланты, жрецы святого искусства изображают, как люди едят, пьют, любят, ходят свои поджаки; когда из пошлых картин и фраз стараются выудить мораль — мораль маленькую, удобопонятную, полезную в домашнем обиходе; когда в тысяче вариаций мне подносят все одно и то же, одно и то же, — то я бегу и бегу, как Мопассан бежал от Эйфелевой башни, которая давила ему мозг своею пошлостью» (А. П. Чехов, «Чайка», д. I).

³ Бунин имеет в виду воззрения символистов на театр и драматургию. См. В. А. Смуc. Философия и эстетика русского символизма («Лит. наследство», т. 27-28, стр. 1—53), а также: И. Дукор. Проблемы драматургии символизма (там же, стр. 106—166).

⁴ В 1910 г. Макс Рейнгардт поставил трагедию Софокла «Царь Эдип». Этот спектакль Бунин мог видеть в октябре 1911 г., когда был проездом в Берлине. Оригинальная постановка, стилизованная под античный театр, привлекла всеобщее внимание и вызвала множество подражаний. Судя по русской театральной хронике, в 1912 г. «Царь Эдип» (по Рейнгардту) был поставлен или готовился к постановке в театрах Вологды, Омска, Вильны, Николаева, Минска, Курска и других городов. Это повальное увлечение и вызвало, очевидно, критические замечания Бунина.

⁵ Замысел этого путешествия не был осуществлен.

⁶ Во время путешествия в Египет и на Цейлон Бунин провел в плавании в общей сложности 50 дней (с 15 декабря 1910 г. до 10 апреля 1911 г.).

12. «ЮЖНАЯ МЫСЛЬ», 1913, 17 апреля

Яркое весеннее солнце, оживленная, радостная, празднично настроенная толпа народа, дивное, прекрасное море — краса и гордость Южной Пальмиры — все это производит неотразимое впечатление даже на тех, кто большую часть времени проводит под вечно голубыми небесами Италии. И неудивительно, что вернувшийся только недавно с острова Капри известный писатель и поэт Ив. Бунин в восторге от дивной природы, от яркого солнца, напоминающего ему итальянское, от молодой зелени

расцветающих деревьев, от чистоты и опрятности нашего вполне европейского города. В беседе мы, естественно, коснулись вопроса о жизни на Капри, ставшем убежищем для русских писателей, о дорогом изгнаннике М. Горьком, тоскующем по родине, о работе, о последних литературных течениях и т. д.

— Появившиеся в последнее время литературные течения, — сказал нам И. Бунин, — до того нежизненны, до того беспочвенны, что мне, право, не хочется об этом говорить. Да и что, в самом деле, можно сказать об акмеистах, адамистах, модернистах, символистах, которые указывают скорее на известный упадок русской литературы, нежели на ее расцвет. Что можно говорить о литературных течениях, которые постепенно сходят со сцены и которые не оставят никакого следа в русской литературе. И меня лично крайне удивляет, что как ежедневная пресса, так и «толстые» журналы уделяют очень много внимания этому, на мой взгляд, совершенно незначительному явлению.

Я даже считаю унижительным для себя говорить о так называемых «новых течениях» в русской литературе. Повременная же печать, уделяющая им столько внимания, бессознательно рекламирует это беспочвенное, наносное и вредное явление в нашей литературе. Точно так же странным и непонятым для меня являются серьезные статьи об Игоре Северяnine — об этой слишком мелкой величине в литературе. Зачем рассуждают о них так глубоко и серьезно, точно это действительно знамение нашего времени? К чему говорить о людях, которые несут вздор или по недостатку ума, или по лукавым соображениям? К чему это? Тем более, что ведь в сущности все эти течения постепенно исчезают. Модернисты и то стали писать гораздо проще и в своих произведениях стали затрагивать общие темы. Да и публика перестала интересоваться новыми течениями и отдает теперь явное предпочтение писателям строго реалистического направления¹.

По поводу моей последней повести «Деревня» было очень много толков и кривотолков. Большинство критиков совершенно не поняли моей точки зрения. Меня обвиняли в том, что я будто озлоблен на русский народ, упрекали меня за мое дворянское отношение к народу и т. д. И все это за то, что я смотрю на положение русского народа довольно безрадостно. Но что же делать, если современная русская деревня не дает повода к оптимизму, а, наоборот, ввергает в безнадежный пессимизм. Вина ли писатель, старающийся правдиво изобразить жизнь, или виновата сама жизнь?

К счастью, за последнее время критика стала более осторожно выражаться и только редкие голоса продолжают грубые выпады против меня².

Я очень много работал в течение моего зимнего пребывания на о. Капри и к осени я намерен выпустить в свет новый том своих рассказов³.

Далее в беседе мы затронули вопрос относительно жизни и работы М. Горького.

— Писатель-изгнанник продолжает по-прежнему усердно и много работать. Настроение у него бодрое; здоровье, вопреки распространявшимся слухам, вполне удовлетворительное. К нам приезжали Андреев, Шаляпин и скончавшийся недавно талантливый писатель Коцюбинский.

Отношения между Горьким и Шаляпиным по-прежнему хорошие... Вообще вся эта история, происшедшая во время спектакля, слишком была раздута и неправильно освещена. Публика имеет превратное понятие об этом факте...⁴ Несмотря на свою сильную тоску по родине, Горький и не думает покидать о. Капри.

«Южная мысль». Одесса, 1913, № 491, 17 апреля. Подпись: Л. Фл. Под заглавием: «На литературные темы (беседа с И. Буниным)».

¹ Мысль Бунина о том, что модернистские течения уходят со сцены, уступая место реалистическому искусству, совпадает с тем, что писала по этому поводу большевистская газета «Путь правды» (см. статью М. Калинина <А. Кариняна> «Возрождение реализма» — 1914, 26 января, № 5).

² См. интервью 9 и примеч. 2 к нему.

³ Бунин был на Капри с 16 ноября 1912 г. по 24 марта 1913 г. За это время им были написаны 12 рассказов, вошедших в сборник «Иоанн Рыдалец» (М., 1913).

⁴ «Эта история» — невольное участие Шалапина в коленопреклоненной просьбе хористов Мариинского театра, обращенной к Николаю II во время спектакля 6 января 1911 г. Об отношении Горького к поступку Шалапина см. Горький, т. 29, стр. 170, 187.]

13. «ЮЖНАЯ МЫСЛЬ», 1913, 14 июля

— Первое мое беллетристическое произведение было напечатано в «Русском богатстве», но я долго в журнале не продержался ¹.

Как только покойный С. Н. Кривенко откололся от «Русского богатства» и основал «Новое слово», я ушел вместе с ним ².

Встречаться с Короленко я, таким образом, не мог часто, так как всем известно, что Владимир Галактионович в широких литературных кругах не появлялся и держался исключительно в тесном кругу литераторов из «Русского богатства» ³.

Все же кое-когда у Владимира Галактионовича я бывал.

Жил он в Петербурге, возле Греческой церкви, в деревянном двухэтажном доме с мезонином, доме глубоко провинциальном (к провинциальному Владимир Галактионович, кажется, вообще питает большую склонность) ⁴.

В длинные петербургские вечера я и забирался к Владимиру Галактионовичу, с которым мы долго и много беседовали на литературные темы.

Однажды, помню, мы целый вечер говорили о Толстом.

Владимир Галактионович говорил о Толстом с благоговением.

Слушая его, я упивался и тонким анализом учения Толстого, и образностью речи Владимира Галактионовича.

Помню, в этот вечер Короленко подарил мне свою книгу, на которой сделал надпись: «Вечер. Пески. Долгие разговоры» ⁵.

Затем с Владимиром Галактионовичем я встречался в Москве. Что я могу сказать о В. Г. Короленко?!

Радуешься тому, что он живет и здравствует среди нас, как какой-то титан, которого не могут коснуться все те отрицательные явления, которыми так богаты наша нынешняя литература и жизнь.

Когда жил Л. Н. Толстой, мне лично не страшно было за все то, что творилось в русской литературе.

Теперь я тоже никого и ничего не боюсь: ведь жив прекрасный, непорочный Владимир Галактионович Короленко!..

«Южная мысль». Одесса, 1913, № 565, 14 июля. Подпись: А. А. Воспроизведено: «Огонек», 1961, № 48.

15 июля 1913 г. отмечалось 60-летие В. Г. Короленко. В связи с этим сотрудник «Южной мысли» обратился к Бунину, Д. Н. Овсянко-Куликовскому и А. М. Федорову, находившимся в то время в Одессе, с просьбой рассказать о встречах с юбиляром и об отношении к нему. Эти три интервью были опубликованы под общим заголовком «Рыцарь общественности. 60-летний юбилей В. Г. Короленко».

Вспоминая о начале своей литературной деятельности, Бунин писал: «... я застал еще не только самого Толстого, но и Чехова; застал Эргеля (...); застал Короленко, написавшего свой чудесный „Сон Макара“, застал Григоровича...» (т. 9, стр. 301).

Впервые свое отношение к творчеству Короленко Бунин высказал 18 октября 1888 г. в письме к брату Юлию: «Софья выписала Короленко. Мы с Григорием Андреевичем наслаждались вполне. В самом деле — роскошь» (ЦГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 6). Очевидно, речь идет о первом сборнике Короленко «Очерки и рассказы», два издания которого выпустила редакция журнала «Русская мысль» в 1887 и 1888 гг.; в него входили: «Сон Макара», «В дурном обществе», «Лес шумит», «В ночь под светлый

праздник», «В подследственном отделении», «Старый звонарь», «Очерки сибирского туриста», «Соколинец». 26 декабря 1888 г. Бунин вновь пишет брату о Короленко, на этот раз в связи с его новой повестью, опубликованной в «Русской мысли» (1888, № 11): «...читал на днях „С двух сторон“ Короленко, прочитал „Обрыв“ Гончарова, „Минеральные воды“ и некоторые другие вещи Эртеля. Хочу выписать себе новое издание Гл. Успенского...» (там же, л. 12 об.).

Личное знакомство писателей произошло по инициативе Бунина. Через В. М. Михеева он выразил Короленко свое желание встретиться с ним и получил ответ: «Я знаю Бунина, очень интересуюсь его талантом и рад познакомиться» (см. письмо Бунина к брату Юлию 30 ноября 1896 г. — «Русская литература», 1963, № 2, стр. 180). Встреча произошла 7 декабря 1896 г. в Петербурге на юбилее К. М. Станюковича, а 11 декабря Бунин впервые был в доме Короленко (см. там же).

Короленко высоко ценил талант Бунина, в частности, его перевод «Песни о Гай-авате». «О том, что вы в Москве, мне передавал В. Г. Короленко, — сообщил Бунину А. М. Федоров 5 октября 1897 г. <...> Он хотел писать вам о вашем переводе и, между прочим, очень хвалил вас» (ЦГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 221, л. 21; ср. с этим письмом самого Короленко к Бунину (настоящ. том, кн. 2, стр. 459). Однако о бунинских очерках «Чернозем», опубликованных в первом «Сборнике т-ва „Знание“ за 1903 год» (СПб., 1904), Короленко отозвался неодобрительно, считая что эти очерки разрабатывают «запоздалый мотив» и проникнуты «печалью о призраках, когда-то живших, радовавшихся и любивших среди уюта „дворянских гнезд“». «Его „Чернозем“ — это легкие виньетки, состоящие преимущественно из описаний природы, проникнутых лирическими вздохами о чем-то ушедшем... Эта внезапно ожившая элегичность нам кажется запоздалой и тепличной <...> Вот то, что г-н Бунин только намечает среди своих эгегических картинок (второй очерк: „Сны“), те толки угрюмым шепотом о старом и новом, которыми делятся в сумраке вагона III класса несные серые фигуры, — могло бы быть интересно. Но... случайно или не случайно, г. Бунин их не дослушал...» («О сборниках товарищества „Знание“ за 1903 г.», подпись: Журналист. — «Русское богатство», 1904, № 8, стр. 146, 147). Бунин, которому этот отзыв стал известен значительно позднее его опубликования, считал, что Короленко «совершенно извращает смысл этих рассказов» («Из записной книжки». — Собр. соч. 1915, т. 6, стр. 305).

Впоследствии старший писатель дал высокую оценку бунинской прозе. Об этом свидетельствует В. Катаев, вспоминая свою встречу с Короленко в 1919 г. и его совет: «„Господин из Сан-Франциско“ — прекрасный рассказ. Учитель у Бунина, он хороший писатель» («Коммунист», Харьков, 1922, № 298, 1 января).

К шестидесятилетию Короленко Бунин отправил ему из Одессы поздравительную телеграмму: «От души желаю еще многих лет, столь же славных и прекрасных» (ГБЛ, ф. 135, раздел II, 45. 8); она была опубликована в ряде газет (см., например, «День», 1913, № 189, 17 июля). Подпись Бунина стоит и под приветствием, которое члены «Среды» послали Короленко 12 ноября 1903 г. в связи с двадцатипятилетием его литературной деятельности (ГБЛ, ф. 135, раздел II, 45. 8; ИМЛИ, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 55).

¹ Рассказ Бунина «Танька» был опубликован в «Русском богатстве» (1893, № 4) под заглавием «Деревенский эскиз». Последним его произведением в этом журнале, было стихотворение «В стороне далекой от родного края...» (1900, № 12).

² Журнал «Новое слово» основан И. А. Баталиным в 1894 г. С. Н. Кривенко начал сотрудничать в нем с октября 1895 г., после того как журнал (с июля того же года) перешел в руки О. Н. Поцовой, а редактором его стал А. А. Слепцов. В № 1 (октябрь) «Нового слова» за 1895 г. напечатан очерк Бунина «На край света».

³ Короленко вошел в состав редакции «Русского богатства» в начале декабря 1894 г., а с мая 1895 г. стал вторым официальным его издателем.

⁴ В январе 1896 г. Короленко переехал в Петербург и поселился на 5-й ул. Песков, против Греческого сада (д. 2/4), где прожил до начала июня 1900 г.

⁵ Местонахождение этой книги неизвестно.

14. «БИРЖЕВЫЕ ВЕДОМОСТИ», 1916, 14 апреля

В беседе с нашим сотрудником Иван Алексеевич Бунин делится своими впечатлениями и настроениями за последнее время.

Поэт провел зиму в деревне, где очень устал «от однообразия».

— За последний год, — говорит Бунин, — я работал значительно меньше, чем раньше. В мире происходит огромное событие, которое опрокинуло и опрокидывает все понятия о настоящей жизни. Я уверен, что мы ляжем в могилу с совершенно иными чувствами.

Тем не менее, это не мешает Бунину питать определенную склонность к драматической стороне письма.

— Форма пьесы очень компактна, — говорит Бунин, — и почти аналогична форме стиха. Меня очень привлекает драматическое искусство, и я, возможно, напишу пьесу, но напишу ее, не думая совершенно о сцене и о возможности постановки ее². Я, признаться, не особенный поклонник всяких выступлений с эстрады вообще, и, когда мне приходится лично читать на вечерах, то я смотрю на это, как на весьма неприятное положение. Ведь публика ждет так называемых «высоких» слов, декламации, а все это мне чуждо, и мне кажется, что я не умею устанавливать связи между собою, как чтением, и публикой. В интимном кругу друзей я читаю с удовольствием, но выступать вообще, на эстраде, не люблю...

Поэт занят сейчас работой над большим произведением, которое по настроениям и идее очень близко к нашумевшему рассказу его «Господин из Сан-Франциско»³. Некоторые вещи поэт задумал во время своих путешествий. Три зимы он провел на Капри. Писатель с особым удовольствием вспоминает свое пребывание на Капри, совпавшее с пребыванием там Максима Горького.

— Я с большим удовольствием вспоминаю те любовь и преданность, которыми итальянцы окружили Горького. И в северной, и южной Италии о Горьком вспоминали всегда с радостным восклицанием.

Сейчас Бунин осуществляет некоторые свои планы, работы, задуманные на далеком Капри, и постепенно дает их то в форме беллетристических произведений, то облекая их в поэтическую гармонию стиха.

«Биржевые ведомости», 1916, № 15498, 14 апреля, вечерний выпуск. Подпись: С. Фрид. Под заглавием: «И. А. Бунин о новой литературе».

¹ Пьеса Л. Андреева «Младость» была напечатана в сб. «Слово», кн. VI. М., 1916 (до этого отрывок из нее появился в сб. «Клич». М., 1915).

² Еще в начале 1900-х годов Бунин пытался написать пьесу (см. письмо И. А. Белоусову 29 июня 1902 г. — «Вопросы литературы», 1969, № 7, стр. 177). Этот замысел не был осуществлен.

³ В 1916 г. Бунин начал работать над повестью «Жизнь». Отрывок этого неосуществленного произведения впоследствии был переработан в рассказ «Отто Штейн», впервые опубликованный с подзаголовком «Из новой повести И. А. Бунина» («Южное слово», 1920, № 112, 1 января). Заглавие «Жизнь» сохранилось в черновой редакции рассказа, подтверждающей, что первоначально он представлялся Бунину частью большого произведения (т. 4, стр. 495—496).